

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В УСЛОВИЯХ «ПОСТЗАПАДНОЙ» МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Алексей Дмитриевич Воскресенский

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия*

Екатерина Валерьевна Колдунова

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия*

Анна Андреевна Киреева

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 апреля 2017 <i>Принята к печати:</i> 20 апреля 2017</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты объяснения политико-экономических процессов, происходящих в «постзападной» международной реальности. Авторы, опираясь на основные положения теории сложных систем, доказывают необходимость использования как уже устоявшихся подходов, так и разработки новых подходов для объяснения и прогнозирования пространственно-временной эволюции сложных систем применительно к системе международного взаимодействия. Показывается, что в международной политической экономике и мировом комплексном регионоведении центральной сейчас становится практическая проблематика выработки наиболее конкурентной и одновременно наиболее стабильной модели социально-политического устройства и политико-экономического уклада, приближения существующих национальных версий к этой модели и определение степени допустимости региональной/страновой вариативности ключевых параметров этой модели. Основываясь на анализе эволюции мировой системы и трансформации политико-экономических укладов ведущих стран мира, авторы приходят к выводу, что новые условия полицентричного мира требуют не ужесточения геополитической конфронтации и борьбы за геополитический контроль над буферными пространствами, а консенсусной разработки взаимовыгодных региональных политик трансрегионального сопряжения региональных пространств. Такой подход допускает конструктивную конкуренцию таких проектов, но одновременно препятствует ее перерастанию в прямую геополитическую или тем более военную конфронтацию, способствуя переходу мировой системы в целом в более стабильное состояние через уменьшение нестабильности ее региональных и страновых сегментов. Это утверждение апробируется на основе анализа новых трансрегиональных проектов Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона.</p>
<p>Об авторах: <i>А.Д. Воскресенский</i>, д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), декан Факультета политологии; профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: sravnitpolit@mail.ru <i>Е.В. Колдунова</i>, к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru <i>А.А. Киреева</i>, к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: теория сложных систем, социальная инженерия, мировая система, трансрегиональные проекты, Евразия, Азиатско-Тихоокеанский регион, США, Россия, Китай, мировое комплексное регионоведение, международная политическая экономия</p>	

Теория сложных систем и проблема сочетания старых и новых подходов при объяснении «постзападной» международной реальности

Обозначенная нами в заглавии статьи проблематика, политико-экономическая по своему характеру, пока еще недостаточно изучается в традиционных международных отношениях, а анализируется в таких относительно новых сферах междисциплинарного исследования как международная/глобальная политическая экономия, сравнительная мировая политика, системно-структурная история международных отношений¹, кросс-региональный анализ² и мировое комплексное регионоведение³. Новые характеристики

международной и внутренней жизни государств, отражающие новый характер развития человечества как социальной общности на этапе «постзападной» реальности, получили методологическое объяснение в виде теории сложных систем как инструмента анализа особых, новых объектов и акторов международных отношений, объясняющей эволюцию процессов в сложных системах в их пространственно-временной динамике⁴. В соответствии с этой теорией, сложные

¹ Системная история международных отношений, 1918-2003; в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. [Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii, 1918-2003; v 4 t. (Systemic History of International Relation, 1918-2003, 4 vol.) / Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniim, 2003].

² Сравнительная политология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 752 с. [Sravnitel'naia politologiia (Comparative Political Science) / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt-Press, 2015. 752 p.]; Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 624 с. [Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes) / Ed. by A.D. Voskressenski; MGIMO (U) MID Rossii. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. 624 p.].

³ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2015. – 448 с. [Mirovye kompleksnoe regionovedenie: vvedenie v spetsial'nost' (World Regional Studies: An Introduction to the Discipline) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr/Infra-M, 2015. 448 p.]; Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 416 с. [Mirovye kompleksnoe regionovedenie (World Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow:

Magistr/Infra-M, 2014. 416 p.]; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 560 с. [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Practice of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr/Infra-M, 2014. 560 p.]; Мировое комплексное регионоведение. Учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. Специальность и направление «Зарубежное регионоведение» Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение». Под редакцией А.Д. Воскресенского. Научн. ред. Д.А. Кузнецов. В 2-х томах. – М.: МГИМО Университет, 2017 (в печати) [Mirovye kompleksnoe regionovedenie. Uchebno-metodicheskii kompleks dlia obucheniia, proverki ostatochnykh znaniia, podgotovki i provedeniia gosudarstvennykh ispytaniia. Spetsial'nost' i napravlenie «Zarubezhnoe regionovedenie» Federal'nogo uchebno-metodicheskogo ob'edineniia po ukрупnennoi grupe spetsial'nostei i napravlenii podgotovki 41.00.00 «Politicheskie nauki i regionovedenie» (World Regional Studies. Handbook for Teaching, Testing and Preparing for State Examinations. Federal State Educational Benchmark “World Regional Studies”). Ed. by A.D. Voskressenski. Acad. ed. – D.A. Kuznetsov. 2 Volumes. Moscow: MGIMO Universitet, 2017 (v pechati)]; Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

⁴ Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. СПб: Алетейя, 2016. – 608 с. [Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016. 608 p.]. См., например, Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пространственно-временная динамика эволюционных процессов в сложных системах. В кн.: Инновационная сложность / под ред.

системы обладают определёнными новыми характерными свойствами:

- в сложных системах элементы могут быть соединены сложными, нетривиальными связями;

- сложность отражает прежде всего внутреннее разнообразие системы и ее составных частей;

- сложность есть многоуровневость системы, в которой подсистемы, составляющие систему могут быть намного сложнее самой системы;

- сложные системы являются открытыми, в таких системах для их элементов внутрисистемная среда является внешней, в то время как внешняя среда может являться внутренней средой системы, подсистемой которой она является. По этой причине сложные системы как правило больше, чем сумма их частей любого размера;

- в сложных системах легко возникают эмерджентные феномены, то есть у них проявляются неожиданные свойства, которые невозможно предсказать исходя из анализа поведения отдельных элементов системы;

- в сложных системах процессы могут протекать по старым следам, то есть такие системы имеют «память»;

- сложные системы могут находиться в разных состояниях при одних и тех же условиях и в одинаковых состояниях при разных условиях;

- все они, как правило, имеют сложную иерархическую или сетевую многоуровневую фрактальную структуру, а потому являются уникальными, неповторимыми;

- сложные системы регулируются двумя типами петель обратной связи – отрицательной, обеспечивающий возврат к прежнему состоянию, и положительной, ответственной за быстрый, самоподстёгивающийся рост;

- сложные системы имеют свои внутренние характерные масштабы времени и пространства и никогда не демонстрируют всех своих свойств на конкретной наблюдаемой траектории⁵.

Именно поэтому сложные системы отличается слабая предсказуемость поведения, сильная чувствительность к незначительным возмущениям, их можно моделировать и форматировать специальными социальными методами, но процессы в них трудно предсказать и ими трудно управлять в традиционном смысле этого термина, возможно лишь выявлять взаимосвязи и векторы их дальнейшего развития и форматировать превалирующие взаимосвязи, направляя их развитие в благоприятном направлении.

Появление новых теорий, объясняющих с помощью системного подхода, характер процессов в социальных системах современного этапа развития человечества, но на основе новой теории сложных систем, к которой относится и система международных отношений, требует, как минимум, сочетания старых и новых подходов, а также разработки новых подходов для объяснения и прогнозирования пространственно-временной эволюции сложных систем уже применительно к системе международного взаимодействия, а также новых методов их практической реализации.

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о взаимосвязи экономической и политической модернизации, развития и стабильности⁶, влияния этих

Е.Н. Князевой. – СПб: Алетеия, 2016, С. 185-217 [Kniazeva, E.N., Kurkina, E.S. Prostranstvenno-vremennaia dinamika evoliutsionnykh protsessov v slozhnykh sistemakh (Spatial-Temporal Dynamics of Evolutionary Processes in the Complex Systems). V kn.: Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleiteia, 2016, pp. 185-217].

⁵ Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пространственно-временная динамика эволюционных процессов в сложных системах. В кн.: Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. – СПб: Алетеия, 2016. – С. 192-194 [Kniazeva, E.N., Kurkina, E.S. Prostranstvenno-vremennaia dinamika evoliutsionnykh protsessov v slozhnykh sistemakh (Spatial-Temporal Dynamics of Evolutionary Processes in the Complex Systems). V kn.: Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleiteia, 2016, pp. 192-194].

⁶ Демократизация и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества. Издательство «Европа», 2010. – 318 с. [Demokratizatsiia i modernizatsiia. K diskussii o vyzovakh XXI veka (Democratization and Modernization. Discussion

процессов на мировую политику вращается вокруг нескольких стержневых гипотез, связанных с изменяющимися параметрами международной системы и формирующимся новым мировым порядком. В соответствии с первой гипотезой экономический рост сопровождается, а с определенного момента и поддерживает появление устойчивых и постоянно осовременивающихся форм социально-политического и социально-экономического порядка. Экономический рост, основанный на расширении поля экономического взаимодействия и взаимосвязанности, укрепляется единством модернизирующихся социально-политических и социально-экономических порядков, поскольку выбор успешных стратегий экономического развития в современных условиях суживается. Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая все же не повсеместное ослабление суверенитета, а сильный контроль, но прежде всего его наиболее значимых параметров, а не абсолютно всех экономических, политических и социальных практик. Эта социальная гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов и политологов, так и эмпирическими примерами. В соответствии со второй гипотезой, подсказанной реальной жизнью, существует обратная причинная связь – для ряда трансформирующихся сообществ политика может предшествовать экономике – сначала нужно целенаправленно методами социального конструирования модернизировать политические институты, невзирая на сопутствующую форсированную трансформацию национального суверенитета, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. В соответствии с этим вторым предположением укрепляющееся политическое единство, основанное на общем понимании характера и направления мировых политических процессов, неизбежно приведет к экономическому расцвету. Укрепляющееся же политическое единство приведет к снижению национальной кон-

куррентии, что и гармонизирует, в конечном счете, трансформируемые национальные суверенитеты⁷. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некоторые частичные эмпирические подтверждения на основе опыта трансформирования некоторых «малых стран» Африки и Восточной Европы, но при этом она интенсивно дискутируется и оспаривается в «больших странах» – России и Китае на основе положения о том, что современности могут различаться своим внутренним содержанием как структурно⁸, так и из-за существования в одном ряду соположенного развития современностей разного типа⁹. Это косвенно свидетельствует о недостаточной изученности фактора региональной специфики «больших стран», в частности, в связи с проблематикой суверенитета при одновременном обеспечении социально-политического упорядочивания.

В последнее время появилась и третья, наиболее радикальная и спорная социальная гипотеза, в соответствии с которой меркантилизм, изоляционализм, экономический национализм государств и разработанная на этой основе радикальная политика геополитических противостояний должны привести к полной финансово-экономической перестройке мировой системы и построению новой финансовой системы на основе

⁷ Воскресенский А.Д. Политическое измерение сферы международного взаимодействия: вызовы для политической науки / Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2016. – 672 с. [Voskressenski, A.D. Politicheskoe izmerenie sfery mezhdunarodnogo vzaimodeistviia: vyzovy dlia politicheskoi nauki (Political Dimension of International Interaction: Challenges for Political Science) / Politicheskaiia nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiia / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt-Press», 2016. 672 p.]

⁸ Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Shpringer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

⁹ Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

on the XXI Century Challenges). Moscow: Tsentr issledovaniia postindustrial'nogo obshchestva. Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 318 p.]

сконструированных заново и прежде всего на двусторонней основе мирохозяйственных связей, которые и должны вывести мир из состояния экономического и идеологического кризиса и сформировать новый политико-экономический порядок. Эта гипотеза включает в себя два варианта политики, разработанные на единой политико-экономической основе, но при этом допускающие противоречащие друг другу практические рекомендации. Уязвимость обоих этих вариантов заключается в том, что они исходят из политико-экономической картины мира, разработанной в XIX – начале XX вв. Они не предполагают фундаментальных различий между современной экономикой и экономикой XIX – первой половины XX вв., а потому допускают возможность архаизации мировой и национальных экономических систем во имя национальной экономической стабилизации. В соответствии с первым вариантом акцент в политике должен делаться на полном или частичном изоляционизме, основанном на внешнеэкономическом меркантилизме, подкрепленном концепцией внутреннего экономического национализма¹⁰. Второй вариант политики не исключает первого, но допускает идею при этом идею радикального реформирования национальных социально-политических и социально-экономических порядков и укладов ради всемерного усиления политической стабильности. При этом идея радикального реформирования включает деконструкцию многих, в том числе и успешно работающих институтов, даже если это реформирование и не основано на внутривнутриполитических консенсусах и, по-видимому в каких-то своих вариантах, допускает даже частичную архаизацию экономических институтов или их экономическую стагнацию. Эта гипотеза опирается в значительной степени на идеи и опыт капиталистического развития XIX в. и разных версий радикального мобилизационного реформирования первой половины XX в., а также серию популистских лозунгов, большей частью не подкрепленных научным ана-

лизом, но интуитивно нащупавших слабые места современной политико-экономической модели модернизированной рыночной системы. По вопросу о том, насколько в условиях отсутствия консенсуса правомерно и разумно широкомасштабное реформирование социально-политических и политико-экономических порядков и укладов, особенно при наличии внутривнутриполитических расколов в национальных государствах и мировой нестабильности и неопределенности, и каковы могут быть действительные последствия такого реформирования, единого мнения не существует. Однако часть политической элиты ряда государств, по крайней мере в России, а теперь и в США, а также и в ряде европейских государств (Великобритания, Франция, Нидерланды и Испания) считает, что в условиях мировой неопределенности возможно, невзирая ни на какие последствия, и даже если имеется негативный исторический опыт таких последствий, полностью или частично реформировать национальный, а затем и мировой политико-экономический порядок и кардинально, но при этом все же успешно, изменить место своего национального государства в мировой системе, а потом уже на новой основе сформировать новый национальный и, возможно, мировой социально-политический консенсус по вопросу будущего политико-экономического развития. Понятно, что внутривнутриполитическая аргументация национальных элит, выступающих в пользу той или иной социальной гипотезы и методов ее осуществления, может сильно, и даже радикально, отличаться, также как и методы прихода к власти придерживающихся этих взглядов сегментов мировой и национальной политической элиты в зависимости от того, в какой политической обстановке какого типа политической системы они действуют.

Соответственно в международной политической экономии и мировом комплексном регионоведении центральной становится практическая проблематика выработки путем применения социально-политических и внешнеполитических методов наиболее конкурентной и одновременно наиболее стабильной модели социально-политического устройства и политико-экономического

¹⁰ Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3-13.

уклада, приближения существующих национальных версий к этой модели и степень допустимости региональной / страновой вариативности ее ключевых параметров¹¹. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутристрановой политики – «подталкивание» vs «стабилизация», «консенсусное и гармоничное научное развитие» vs «радикальное переформатирование популистского толка» (включая «революционный транзит», «цветные революции») и их влияние на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию.

Эволюция мировой системы в начале XXI в. и необходимость поиска консенсусных подходов в практике международно-политического взаимодействия

В начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом, поскольку на первый план стали выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становится проблематичным. В связи с этим многие исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока (и вообще, незападных регионов мира в целом) в мировой политике, пытаясь предложить новое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Внутри мирового политического и интеллектуального сообществ возникла острая дискуссия о роли региональных политико-экономических факторов в экономико-

политическом развитии мира, соотношении интеграции и регионализации, трансрегионализма и регионализма, экономического национализма, нацеленного на первоочередную ликвидацию валютных дисбалансов, и экономического трансрегионализма, необходимого для осуществления успешной внешнеэкономической политики. Это заставило пересмотреть некоторые из догм казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к новым незападноцентричным объяснениям мировых политических и экономических процессов.

Государства с разными устройствами социально-политического и социально-экономического порядка, определяющими стратегию их внутреннего и внешнего развития, активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40-50 государств, продвигающие в качестве мировых свои полярные версии социально-политического порядка и политико-экономического уклада¹². В то же время по мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни, либо ее продления, формы этой конкуренции смещаются от военных, включающих теперь и оружие массового поражения и приводящих к неисчислимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, но при этом в том числе и жесткого соревновательного развития.

Учитывая основные тенденции развития человечества и принципиальную ограниченность природных ресурсов, логично предположить, что в усложняющихся внешних и внутренних условиях поступательного развития при наличии ядерного оружия выработка дальнейшей внешней и внутренней политики государств будет нуждаться не в опоре преимущественно на силовые методы, ограниченные возможным применением оружия массо-

¹¹ Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2015 [Demokratii XXI veka: smena paradigmy. Analiticheskii doklad Fonda ISEPI i gruppy zarubezhnykh avtorov (Democracies of the XXI Century: A Paradigm Shift. Analytical Report of the ISEPI Foundation and the Group of Foreign Authors). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii im. N.E. Zhukovskogo, 2015].

¹² Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Forewords by Kevin Rudd and Adam Przeworski. Singapore: World Scientific, 2017.

вого уничтожения, которое приведет к гибели всего человечества как биологического вида, а в умении успешно договариваться с другими на взаимовыгодной основе, то есть во все более полном социальном консенсусе при одновременном внутреннем упорядочивании. В противном случае системные кризисы и кровопролитные войны прошлого становятся неизбежными, и мы вынуждены будем констатировать, что человечество по мере своего исторического развития ничему не учится и не воспринимает исторический опыт, даже придумав оружие своего собственного уничтожения как биологического вида.

К концу XX в. возникло достаточно много новых явлений объективного и субъективного характера, которые послужили причиной незавершенности процесса модернизации для ряда обществ, и соответственно привели к торможению этого процесса. Прежде всего, страны, начавшие переход от этапа модернизации к этапу постмодернизации и от этапа естественного социально-политического доступа к построению системы более открытого доступа, в силу многих причин как бы «зависли» на этапе перехода в «серой зоне» государств переходного типа. Введя выборность, эти страны не смогли из-за опасности возможной политической нестабильности при изменении системы обеспечения политического порядка или не захотели продвинуться дальше по пути дальнейшей трансформации и поиска нового баланса в системе социально-политического порядка и социально-экономического уклада. Это, в частности, в свою очередь, привело к формулированию концепций «нелиберальной демократии», «суверенной демократии», «гибридных политических режимов», «незападной демократии»¹³, как

переходных стадий, позволяющих сформировать на конкретном этапе развития социально-политический порядок определенного типа, в идеале не мешающий национальной модернизации и совершенствования политико-экономического уклада, но одновременно и не приводящий к потрясениям революционного типа.

Позже возникла проблема сравнения реальной эффективности управления политических режимов, основанных на разных политико-экономических укладах. Дело в том, что к концу XX в. возникли популистские режимы, которые стали успешно эксплуатировать неспособность ряда стран с политическими режимами открытого социально-политического и социально-экономического доступа решать проблемы бедности, социальной справедливости, экономического обнищания некоторых сегментов общества или даже целых социальных классов на этапе перехода от одного технологического уклада к другому. Более того, оказалось в целом недооцененной способность отдельных авторитарных режимов к самореформированию и повышению внутренней конкурентоспособности, в то время как в целом подтвердилась тенденция отмирания наиболее одиозных и неэффективных вариантов авторитарного правления. Так, на конкретном историческом этапе возникла неожиданная для многих политиков и политологов проблема своеобразной конкуренции моделей развития не только между социально-политическими моделями открытого (консолидированного или неконсолидированного) социально-политического доступа и автократиями с разными по степени успешности политико-экономическими укладами, но и между конкурентными авторитарными или гибридными политическими режимами и расхитительскими режимами различного типа: brutальным персоналистским или идеологическим / клерикальным авторитаризмом, безответственными неконсолидированными демократиями (некоторые африканские и азиатские государства). Кроме того, и некоторые старые демократии при ближайшем рассмотрении оказались подвержены порокам, которые казалось бы при такой долгой истории демократическо-

¹³ Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p. Русское издание см. Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворски. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 519 с. [Demokratiia v rossiiskom zerkale (Democracy in a Russian Mirror) / Ed. by A. Migranian, A. Pshevorski. Moscow.: MGIMO-Universitet, 2013. 519 p.]; Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017. 800 p.

го развития должны были уже исчезнуть или же быть сведены к минимуму¹⁴. Однако бедность и коррупция в этих странах так и не преодолены, а расслоение в обществе продолжало углубляться, несмотря на экономический рост и явные успехи в новых сегментах экономики (электроника, хай-тек, фармацевтика, программирование и др.).

Оказалось, что, хотя в целом глобальный капитализм и обеспечил невиданные ранее темпы экономического развития (с 1970-х годов мировая экономика выросла как минимум в четыре раза), но ему так и не удалось создать модель экономического развития без периодических экономических кризисов и необходимости периодического валютно-финансового ребалансирования, а казалось бы самая современная версия финансово-экономического строя – глобальный финансовый капитализм – оказалась сопряжена еще и с таким новым явлением как большая финансовая волатильность. Несмотря на то, что причины всех этих новых явлений уже получили свое объяснение в исследовательской литературе, государства и мировое сообщество в целом так и не выработали надежных механизмов предотвращения кризисных явлений мировой финансово-экономической системы, а некоторые политические режимы увидели в этом опасность влияния на внутренние процессы, включая возможность дестабилизации внутреннего политического порядка извне. Кроме того, возникла, реальная или мнимая – это еще предстоит увидеть в ближайшем будущем – возможность преодолеть частичное отставание или сократить сегменты отставания в некоторых отраслях во время затянувшегося периода финансово-экономической неопределенности и политико-экономического кризиса.

В политико-экономической сфере государства-лидера мировой системы – США – возникли новые явления политико-экономического характера: государство-гегемон стало постепенно трансформироваться в государство-доминант и

государство-лидер, но при этом содержание категории мирового лидерства в силу факторов объективного и субъективного характера оказалось подвержено изменению. На этом фоне в 2016 г. в США прошли выборы, в результате которых, несмотря на внутривнутриполитический раскол американского общества, легальным политическим путем был провозглашен переход к модели экономического национализма, меркантилизма и частичного изоляционизма. По мнению нового президента США она должна обеспечить легальными, но для части политической элиты и населения США нелегитимными из-за недоучета возможных политических и экономических последствий предлагаемых мер методами перебалансировку американской экономической системы, решение вопросов бюджетного дефицита и повышения конкурентоспособности национальной рабочей силы. Конечной целью этих изменений является возрождение мирового лидерства США и возвращение американской военно-политической и экономической гегемонии. Чем закончится процесс провозглашенного кардинального изменения американских приоритетов, пока не ясно, однако способствовали такому изменению американского политического курса как внешние, так и внутренние обстоятельства, поскольку мировая политико-экономическая система с одной стороны далеко продвинулась на пути глобализации за последние два десятилетия, а с другой не только не смогла глобализироваться полностью, исчерпав все старые методы и способы продолжения глобализации, но и столкнулась с казалось бы давно преодоленными внутривнутриполитическими расколами внутри практически всех государств мира.

Эти расколы были вызваны дискуссией о выборе приоритетов национального и мирового развития, в ходе которой возникла неожиданная острая политическая конкуренция идей консервативной модернизации при сохранении стабильности с одной стороны и лозунгов как революционного транзита, так и экономического национализма и радикальной популистской риторики изоляционистского толка с другой.

Внутриполитический раскол в США усилил сомнения в способности этой стра-

¹⁴ Democracy in Decline? / Ed. by Larry Diamond and Marc F. Plattner. Foreword by Condoleezza Rice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 144 p.

ны осуществлять мировое лидерство консенсусным путем, неожиданно выдвинув на роль перспективного экономического лидера Китай. Это происходило в условиях, когда международный терроризм попытался ускорить эрозию мирового лидерства США, дополнительно подорвать это лидерство военно-террористическими способами, запугав гражданское население и вынудив власти в условиях военно-политической и экономической нестабильности прибегнуть к жестким мерам усиления порядка. Это привело к секьютеризации проблемы выбора политического и экономического развития на фоне неудачного военного вмешательства США в дела целого ряда государств и регионов. Однако решающую роль в процессе трансформации мирового лидерства все же сыграли внутриамериканские фискально-финансовые и политические факторы, которые неожиданно для многих привели к успеху на выборах в США «модели Росса Перо».

В результате политическая система США поляризовалась в гораздо большей степени, чем это казалось возможным ранее, формирование внутривнутриполитического консенсуса в США и особенно между разными ветвями политической власти нарушилось, а внешние «малые» войны США, в которых значительную роль сыграли внутривнутриполитические и эгоистические американские интересы, не привели к победе социально-ориентированной рыночной политико-экономической системы и более справедливых открытых систем социально-политического порядка там, где это ожидалось или же было возможным легитимными или легальными методами социальной инженерии. Такая ситуация в США резко контрастировала с разумной политико-экономической централизацией и опытным путем найденной китайской национальной системой баланса дозированного экономического национализма, удачной китаецентристской версии регионализма, умеренно меркантилистского трансрегионализма и обеспечения стабильности, которая получила название «китайской модели» и «китайской мечты», по крайней мере до начала замедления китайской экономики. Про-

шедшая в апреле 2017 г. встреча высших руководителей США и Китая, во время которой американская военная машина нанесла ракетный удар по Сирии, похоронила надежду на возможность скорого улучшения российско-американских отношений, но одновременно приглушила противоречия внутри США и неожиданно наметила новые возможности к формированию китайско-американской «Большой двойки» (G-2) – квази-альянса двух крупнейших экономик мира в условиях, когда подавляющее большинство китайской политической элиты предпочитает пожинать дальнейшие плоды успешной китайской модели развития с опорой на динамично развивающиеся китайско-американские отношения, а ее меньшая часть предлагает заключить российско-китайский военно-политический альянс в качестве обязательного предварительного условия роста китайских инвестиций в российскую экономику¹⁵.

Таким образом, на практике в современных экономических и политических условиях трансформация мирового социально-политического уклада оказалась обусловлена необходимостью экономического ребалансирования при сохранении достаточно жесткого политического порядка

¹⁵ «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем». Известный китайский политолог Янь Сюэтуна о перспективах двусторонних отношений // Коммерсант.ru. 17.03.2017. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Inline?date=2017-3-17> [«Ne ponimau, pochemu Rossiia ne nastaiuaet na formirovanii al'iansa s Kitaem». Izvestnyi kitaiskii politolog Ian' Siuetun o perspektivakh dvustoronnikh otoshenii ("I Do not Understand Why Russia Does not Insist on Making an Alliance with China". A Famous Chinese Political Scientist Yang Suetun on the Bilateral Relations Perspectives // Kommersant.ru. 17.03.2017. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/Inline?date=2017-3-17>]; Скосырев В. Пекин не осудил атаку на Сирию // Независимая газета. 10.04.2017. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2017-04-10/6_6970_pekini.html [Skosyrev, V. Pekin ne osudil ataku na Siriiu (Beijing Did not Condemn an Attack Against Syria) // Nezavisimaa gazeta. 10.04.2017. Mode of access: http://www.ng.ru/world/2017-04-10/6_6970_pekini.html]

во всех сегментах мирового пространства, а в некоторых случаях даже введением мер его дополнительного обеспечения некоторыми странами, особенно в периоды возникновения мировой финансово-экономической турбулентности и опасности мирового терроризма, одновременно с формированием новых квази-альянсов и новых геополитических связей на региональном и трансрегиональном уровне.

Понимание политико-экономической модернизации и перебалансировки системы не просто как процесса линейного движения по этапам трансформации социально-политической и социально-экономической системы и перехода от стадий ограниченного доступа к его более открытым стадиям, но также и как процесса определенного соотношения и равновесия факторов, обеспечивающих социально-политический порядок, его большую, или меньшую открытость, успешность политико-экономического уклада и институтов обеспечения политического порядка объясняет мировую политическую динамику во всей ее сложности и социально-политической конкретике.

В настоящее время возникла тупиковая ситуация: необходимость поддержания и наращивания высокого уровня технологического развития и использование миграционных потоков извне как способа решения демографических проблем и притока «мозгов» и рабочей силы требовало применения новых методов социального конструктивизма и широкого доступа иммигрантов к высококонкурентным международным и национальным системам образования и науки, а далее и к системам управления и поддержания правопорядка посредством введения все более открытой системы, но применение этих новых методов было заторможено международным терроризмом и локальными кровавыми террористическими актами. Модель наращивания технологического развития, совершенствования методов глобального регулирования и рационального и прагматичного использования миграционных потоков должна была стать ответом на политический и экономический кризис в результате изменения демографических параметров и этнической составляющей слож-

ной социальной системы, которая зависла на этапе перехода к новому технологическому укладу. Введение этих новых параметров развития должно было происходить при сохранении в целом всех основных параметров стабильности. Однако стабильность оказалась подорвана, поскольку в обществах, даже таких, казалось бы, монолитных с точки зрения ценностей существования и развития, как американское и европейское, произошел невиданный ранее раскол по вопросу методов обеспечения этой стабильности из-за массовых террористических актов и ухудшения экономической конъюнктуры. Поскольку система политического порядка и режимов правления подверглась опасности дестабилизации одновременно извне и изнутри, у части политической элиты некоторых стран необходимость сохранения стабильности, которая виделась как возвращение к эпохе меркантилизма и экономического национализма, перевесила необходимость развития. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на выработке новых научных обоснований политик и идеологий мирового и национального развития при сохранении и укреплении стабильности, была предложена альтернатива: или безудержное продолжение глобализованного расширения по экстралиберальному варианту (дальнейшая глобализация «без границ») с теми же представителями мирового либерального истеблишмента, или право-/лево-популистский путь политического и экономического национализма и геополитической конфронтационности («Америка превыше всего», «Франция превыше всего» и т.д.), ориентированный на коренную смену власти и допускающий в том числе откат назад к архаизированным формам политики и упрощению экономической системы ради сохранения и усиления стабильности суверенного национального государства.

Проблема нынешнего исторического развития заключается в том, что аналогичные периоды нестабильности наблюдались только в первой половине XX в., породили радикальные популистские правую и левую альтернативы существующей тогда политико-экономической системе, что привело к двум кровопролитным мировым

войнам, полной экономической дестабилизации мировой системы, а затем к ее практически полной ребалансировке. Эти периоды мировой нестабильности казались преодоленными в ходе сформированной во второй половине XX в. биполярной системы, основанной на ядерном паритете и двух политико-экономических моделях. Однако одна из частей этой системы, менее конкурентная, исчезла в ходе дальнейшего исторического развития, а другая в ходе периода биполярного развития существенно трансформировалась в сторону увеличения открытости и инклюзивности. С переходом мира в состояние полицентричности постзападного типа качественное состояние и даже некоторые параметры мировой системы снова существенно изменились: Запад потерял свою консолидированность и перестал определять все основные параметры мирового развития, количество «ядерных игроков» стало увеличиваться в том числе и за счет непризнанных ядерных государств, понятие ядерного паритета – размываться, экстралиберальная модель глобализации застопорилась, достигнув своего предела, мировая стабильность оказалась поставлена под сомнение самим процессом подъема государств незападного типа, а мировая система перешла в состояние сложной системы, отличающееся более высокой степенью изменчивости и неопределенности.

К новому состоянию изменчивости и неопределенности полицентричной мировой системы «постзападного типа» ее старые акторы (великие державы и другие национальные государства) оказались не готовы, а новые акторы возможно и просто неспособны к ответам на такие вызовы, поскольку они были предназначены для решения другой задачи – обеспечения экономического развития на основе расширяющегося политико-экономического пространства и экономической, а затем и политической интеграции. В силу этих причин процесс укрепления старых и создания новых механизмов поддержания мировой стабильности оказался подорван. Великие державы оказались не готовы консенсусно поддерживать мировую стабильность в условиях мировой изменчивости и неопределенности, поскольку были

привержены своим версиям национальных и региональных политико-экономических порядков, которые не дополняли, а в определенной степени даже противостояли друг другу. В этих условиях великие державы предпочли опираться на механизмы геополитических противостояний.

На наш взгляд, новые условия полицентричного мира взаимодействий сложных социальных систем требуют не ужесточения геополитической конфронтации, которая, к сожалению, не ослабевает, не усиления борьбы за геополитическое влияние на буферных пространствах, не возобновления всеобщей гонки вооружений, а консенсусной разработки пусть и конкурирующих, но взаимовыгодных, конструктивного типа региональных политик трансрегионального сопряжения региональных пространств, что будет способствовать переходу мировой системы в целом в более стабильное состояние через уменьшение нестабильности ее региональных и страновых сегментов при сохранении (а не разрушении) взаимосвязанности ее компонентов¹⁶. Уменьшение нестабильности региональных и страновых сегментов не может быть в новых условиях основано только на политике меркантилизма, изоляционизма, экономического национализма и ужесточения социально-политического порядка, поскольку это подорвет развитие и координацию внешнеэкономической деятельности на пространствах шире, чем территории национальных государств, без чего экономическое процветание как отдельных стран, так и мира в целом, окажется вряд ли возможным. В то же время консенсусное развитие означает не односторонние уступки и геополитические выигрыши при неперемных геополитических проигрышах противной стороны, а выработку взаимоприемлемых решений, повышающих региональную и мировую стабильность и

¹⁶ Гринберг Р.С. Почему я неисправимый оптимист? Размышления накануне юбилея // Мир перемен. Специальный выпуск. – 2016. – С.6 [Grinberg, R.S. Pochemu ia neispravimyi optimist? Razmyshleniia nakanune iubileia (Why am I a Devoted Optimist? Reflections on the Eve of Jubilee) // *Mir peremen. Spetsial'nyi vypusk*, 2016, p. 6].

ориентирующих на конструирование взаимовыгодных партнерств.

Если мы признаем влияние культурной и социально-психологической специфики, особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, то должны также признать, что в зависимости от своего характера и интенсивности влияния эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа социально-политического порядка и политико-экономического уклада, так и определять специфику конкретных этапов развития социальных порядков и соответствующих им экономических укладов; они могут затруднять или препятствовать переходу от одного типа социально-политического и социально-экономического уклада к другому, затруднять или способствовать выработке консенсусных подходов. Выделение структурных подтипов социально-политических и соответствующих им социально-экономических порядков / укладов в зависимости от характера исторического этапа развития конкретных обществ позволяет управлять развитием не только социальных и политических, но и культурных и социально-психологических процессов в обществах определенного типа, а эти процессы, в конечном счете, влияют и на формирование типов и моделей внешне-политического взаимодействия государств.

В процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль, судя по всему, играет не только определенный уровень экономики и соответствующей ей социальной структуры, но и возможность формирования сознательного и ненасильственного консенсуса политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социально-экономического уклада, систем обеспечения социально-политического порядка и обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов.

Эта модель позволяет строить современные устойчивые политические и соци-

альные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую модернизацию социально-политического и социально-экономического укладов и строить сильное, благополучное и свободное государство, обеспечивая ему беспрепятственный доступ к мировым рынкам. Такой комплексный подход позволяет понять внутреннюю политико-экономическую связь между формами социально-политического порядка и политико-экономическими системами, а также взаимосвязь социально-политических и социально-экономических укладов жизни государства в составе мировой политико-экономической системы – то есть понять роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового политико-экономического пространства, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс регионального и мирового развития.

Таким образом, со второй половины XX в. мировая система хотя и приобрела глобальность прежде всего с точки зрения необходимости экономической и управленческой координации для ответа на экономические кризисы и глобальные вызовы новой эпохи, но ее реальная мироцелостность так и не возникла. Наличие государств разного типа с разными политико-экономическими порядками и моделями баланса регионализма и трансрегионализма, пусть и в других пропорциях, чем в прошлом, а также связанных в большей степени, чем раньше взаимозависимостью при сохранении геополитических противоречий старого типа и, одновременно, появлений геополитических противоречий нового типа, определяют сохранение в мире конфликтности старого и нового типов, т.е. продолжают определять незавершенность переходного периода в современных нам международных отношениях и специфику современного исторического этапа развития человечества. Государства современного мира, хотя и существенно расширили номенклатуру средств для решения международных проблем, нарастив ее за счет нового экономического, военно-политического и дипломатического инстру-

ментария, но при этом в силу продолжающей существовать дифференциации самой мировой системы не отказались и от старых. Этот инструментарий состоит теперь из комбинации военных и невоенных средств решения стратегических политических и экономических проблем: справедливой войны и/или военных действий на основе мандата ООН, гуманитарной интервенции (ограниченной военной компании на основе мандата ООН и/или коалиций ряда государств), принуждения к миру (на основе мандата ООН и/или коалиций ряда государств) и применения силы для изменения ситуации (в одностороннем порядке или на основе референдумов и/или просьбы законных правительств, находящихся в условиях мятежа и/или гражданской войны).

Новые трансрегиональные проекты в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе

Одновременно с процессами, описанными выше, в мировой системе в качестве ответа на разного рода политические и экономические вызовы в последние несколько лет стали возникать различные трансрегиональные / мегарегиональные проекты, предлагаемые как государством-доминантом (проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного и Транстихоокеанского партнерств), так и крупными полупериферийными странами (Китай, Россия, отчасти – Индия). Их появление, по-видимому, было связано с тупиковостью глобализационного проекта в том виде, в котором он предполагался в 1990-е гг., с одной стороны, и, с другой стороны, определенной исчерпанностью уже сформировавшихся к этому моменту в мире версий регионализма как инструмента реагирования на рост процессов экономической взаимозависимости в мире. При этом проекты Китая и России на фоне предложенных Соединенными Штатами, хотя и представлялись менее структурно сложными, но тем не менее имели гораздо больший инклюзивный потенциал и были ориентированы на решение прежде всего экономических задач политическими средствами.

В результате в начале этого века Евразия и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР)

стали пространством конкурирующих макро/мега-региональных и трансрегиональных проектов. Если в 1990-е годы Европейский союз сохранял за собой роль основной референтной модели региональной интеграции для незападных регионов мира, в последние два десятилетия эта ситуация стала коренным образом меняться. К настоящему времени в Евразии и АТР возникло несколько разнонаправленных трансрегиональных инициатив, существенным образом отличающихся и от классической интеграционной схемы, сформулированной в теории международных отношений на основе опыта ЕС, и от отношений «нового регионализма» с опорой на негосударственных игроков и транснациональные процессы, возникающие «помимо» государства.

Во-первых, в АТР сформировалась сеть институциональных отношений, «завязанных» на Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и по сути своей являющихся отношениями трансрегионального типа. Эти отношения диалогового партнерства, установленные между АСЕАН и крупнейшими международными игроками (США, Китай, Россия, Япония, Южная Корея, Индия, ЕС, Австралия и др.) не представляли собой в чистом виде отношения, связанные с углублением региональной интеграции, хотя в некоторых случаях, как например, с Китаем, привели к созданию зоны свободной торговли. В гораздо большей степени эти отношения были нацелены на то, чтобы консенсусным и институционализированным способом решать проблемы, выходящие за рамки географического региона Юго-Восточной Азии, но способные напрямую его затронуть.

Еще одним трансрегиональным проектом нового типа стало предложенное предыдущей администрацией США соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Представляя собой, по сути, глобально-региональный проект с высокой степенью структурной сложности, это партнерство скорее усиливало разделительные линии в регионе, нежели решало проблемы регионального развития в условиях возросшей политико-экономической взаимозависимости.

Практически одновременно с активизацией переговоров о Транстихоокеанском

партнерстве возник еще один трансрегиональный проект, предложенный Китаем. В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Назарбаевском университете Казахстана, предложил инициативу Экономического пояса Шелкового пути как возрождения древнего Шелкового пути, связывающего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока. В октябре 2013 г. это предложение было дополнено идеей Морского шелкового пути XXI века, адресованного странам Юго-Восточной Азии. Эти инициативы достаточно быстро обрели форму одной из главных составляющих китайской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии, и вошли в китайский политический лексикон как «один пояс, один путь» (*кит.* – 帶 – 路 идай, илу).

В 2015 г. были обозначены основные маршруты Экономического пояса Шелкового пути: из Китая через Центральную Азию и Россию до Европы, из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Морской шелковый путь был оформлен в виде двух маршрутов: из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана¹⁷. В случае успешной реализации «Один пояс, один путь» предполагал связать 65 стран, производящих 65% мирового ВВП, составляющих 70% мирового населения и обла-

дающих 75% разведанных энергетических ресурсов¹⁸.

Следует, однако, учитывать, что китайская инициатива была провозглашена в условиях замедления темпов роста китайской экономики при наличии серьезных структурных проблем, и была призвана дать стимулы экономическому развитию прежде всего самого Китая в период структурной трансформации его социально-экономической модели. В связи с этим принципиальным для Китая стала необходимость придать новый стимул экономическому развитию КНР, чтобы хотя бы частично продолжить современную модель экстенсивного развития за счет загрузки производственных мощностей, а также стимулировать инновационное развитие самого Китая для осуществления перехода на интенсивную модель развития, одновременно структурно и инфраструктурно существенно углубив торгово-экономическое взаимодействие в «ближнем экономическом зарубежье» Китая. Предполагалось, что инвестиции в инфраструктурные проекты за рубежом создадут новую базу для тех отраслей экономики, где наблюдается перепроизводство, помогут оттянуть за рубежи Китая часть китайской рабочей силы малой и средней квалификации, которая не находит применения внутри страны, повысит наполняемость пенсионного фонда для будущих поколений за счет валютных отчислений из-за рубежа, а также простимулирует высокотехнологичное производство, поскольку китайские проекты будут базироваться на использовании китайского сырья и материалов, оборудования и китайской рабочей силы, но уже на территории не только самого Китая, но и в рамках расширенного макрорегионального пространства. Выноса теряющих конкурентоспособность и «грязных» производств за рубеж позволил бы самому Китаю сосредоточиться на развитии инновационных отраслей

¹⁷ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР. 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> [Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniuu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 28.03.2015. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml]

¹⁸ Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, pp. 1-7.

промышленности – ключевой установке плана развития на тринадцатую пятилетку (2016-2020 гг.)¹⁹. Стержневая роль в реализации инициативы отводилась Фонду Шелкового пути с капиталом \$40 млрд и такому многостороннему финансовому институту как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с уставным капиталом \$100 млрд.

Недавние международные инициативы Японии и Индии, которые вынуждены предпринимать меры в ответ на усиление конкуренции со стороны Китая, также связаны с регионом Восточной Азии и расширением торгово-экономического сотрудничества в морском пространстве Индо-Тихоокеанского региона. Политика кабинета Синдзо Абэ направлена на позиционирование Японии как мирной страны, которая должна в соответствии со стратегией «активного пацифизма» (積極の平和主義), принятой в декабре 2013 г. в Стратегии национальной безопасности, увеличить свой вклад в поддержание мира и стабильности в Восточной Азии и в мире в целом. В мае 2015 г. премьер-министр Японии С. Абэ заявил о выдвижении «Партнерства в создании качественной инфраструктуры», в рамках которой будет выделено \$110 млрд экономической помощи на инфраструктурные проекты в Азии в течение 5 лет (2016-2020 гг.), что сопоставимо с капиталом АБИИ в \$100 млрд и является 30% увеличением по сравнению с предыдущим периодом. При этом Япония фокусируется на предоставлении инфраструктуры высокого качества с использованием инновационных технологий и передает технологии (например, не наносящих вред окружающей среде) странам-реципиентам. Таким образом, Япония стремится перехватить у Китая инициативу и занять нишу высококачественного ин-

фраструктурного строительства, тем самым сохранив свое региональное экономическое лидерство и подчеркнув отличие от деятельности АБИИ²⁰. В мае 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ предложил «Расширенное партнерство в создании качественной инфраструктуры», в соответствии с которым Япония будет способствовать созданию высококачественной инфраструктуры и построению взаимовыгодных отношений, которые смогут внести значительный вклад в улучшение экономического роста и экономического развития стран-партнеров. Было принято решение увеличить финансирование инициативы до \$200 млрд²¹.

В Индии большое распространение получила концепция Индо-Тихоокеанского пространства (*Indo-Pacific regional space*), которая рассматривает этот геостратегический макрорегион, включающего в себя два океана: Индийский и Тихий, – как единое геополитическое и геоэкономическое пространство безопасности и свободы судоходства²². В 2014 г. Индия выдвинула свой проект Маусам, который предполагает восстановление традиционных индийских морских маршрутов вдоль Индийского океана. Индия делает акцент на исторических взаимосвязях, торговых путях и взаимосвязанности культур для построения более тесных партнерских отношений, формируя пространство так называемого «индийского Средиземноморья». Реализация данного проекта позволит Индии улучшить отношения со странами, расположенными по берегам Индийского океана и граничащими с ним, что предполагает огромное морское пространство, омывающее берега Афри-

¹⁹ Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, pp. 4-5; Салицкий А., Семенова Н. Шелковое наступление Китая // Перспективы. – 2016. – №1(5). – С.6-10 [Salitskii, A., Semenova, N. Shelkovoie nastuplenie Kitaia (China's Silk Advance) // *Perspektivy (Perspectives)*, 2016, No.1 (5), pp. 6-10]; Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, p. 12.

²⁰ Japan Unveils \$110 Billion Plan to Fund Asia Infrastructure, Eye on AIIB // *Reuters*. 21.05.2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-japan-asia-investment-idUSKBN00617G20150521>

²¹ The “Expanded Partnership for Quality Infrastructure” Initiative Directed Toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 23.05.2016. Mode of access: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html

²² Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by Rajiv K. Bhatia, Vijay Sakhujia. New Dehli: Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

ки, арабского полуострова, Иран, страны Южной и Юго-Восточной Азии. Согласно оценкам индийских экспертов, данная стратегия направлена на то чтобы, предложив альтернативу китайской инициативе «Один пояс, один путь», в особенности морскому шелковому пути²³, существенно повысить интенсивность торгово-экономического взаимодействия в этом регионе.

Параллельно со всеми упомянутыми инициативами в северной части Евразии наметился контур трансрегиональных проектов, условно говоря «завязанных» на Россию. После нескольких десятилетий, связанных с попытками России «встроиться» в западные структуры и занять определенную нишу в региональных процессах в Азии, в российской политической элите, по-видимому, возобладало мнение о том, что «России как глобальной державе нет необходимости интегрироваться. Она сама по себе интегратор»²⁴. Тем не менее, даже если Россия и является интегратором (что проявляется, в частности, в ее ведущей роли в создании Евразийского экономического союза), на Западе ее интеграционный проект теперь практически вплотную геополитически смыкается с экономически гораздо более эффективным ЕС, а на Востоке – с экономически и геополитически динамично расширяющимся Китаем и растущими экономиками стран АТР. Эта ситуация естественным образом создает запрос на запуск механизмов трансрегионального сопряжения различных интеграционных проектов, иначе Россия сильно рискует существенно

отстать в экономической динамике от соседних макрорегиональных объединений и союзов, что неизбежно негативно скажется на ее собственном экономическом развитии.

До 2014 г. и кризиса на Украине Россия предпринимала попытки найти практические формы такого сопряжения с ЕС, однако после 2007 г. это происходило в условиях истечения срока Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и затянувшихся переговорах о новом соглашении. К этому моменту, однако, уже четко проявили себя основные структурные проблемы отношений России с Евросоюзом. К их числу относилась невозможность глубокой экономической интеграции и исчерпанность повестки дня отношений с Россией для ЕС, вызванные четким обозначением границ Европы (в первую очередь связанных с определением европейской идентичности в широком смысле этого слова, но прежде всего – в политическом смысле), оставляющих Россию за ее пределами²⁵.

Одновременно, когда в 2013 г. Китай анонсировал идею проекта «Один пояс, один путь», Россия никаким образом не фигурировала в нем. Подобная ситуация вызвала у российской стороны обоснованные опасения, что его реализация не будет учитывать интересы России, с которой Китай тем не менее находился в отношениях стратегического партнерства. В ответ на эти опасения в мае 2015 г. Россия и Китай достигли соглашения о так называемом сопряжении евразийского интеграционного проекта (Евразийский экономический союз), в котором участвуют Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия, и Экономического пояса Шелкового пути²⁶. В мае 2016 г. на саммите

²³ Pillalamiri, A. Project Mausam: India's Answer to China's 'Maritime Silk Road' // *The Diplomat*. 18.09.2014. <http://thediplomat.com/2014/09/project-mausam-indias-answer-to-chinas-maritime-silk-road/>

²⁴ Ларин В. Почему АТР – не альтернатива Большой Евразии / В.Ларин / Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoy-evrazii/> [Larin, V. Pochemu ATR – ne al'ternativa Bol'shoi Evrazii (Why Asia-Pacific is not an Alternative to Greater Eurasia) / *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai» (Valdai International Discussion Club)*. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoy-evrazii/>]

²⁵ Буторина О. Россия и ЕС: партнерство без стратегии / Российский совет по международным делам. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content [Butorina, O. Rossiia i ES: partnerstvo bez strategii (Russia and the EU: A Partnership Without Strategy) / *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council)*. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content]

²⁶ Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Москва, 30-31 мая 2016 г. Москва: Российский совет по международным делам,

в Сочи идея сопряжения интеграционных проектов была предложена и странам АСЕАН в формате «ЕАЭС-ШОС-АСЕАН»²⁷. В декабре 2016 г. в послании президента В.В. Путина к Федеральному собранию эти процессы сопряжения были обозначены как «формирование многоуровневой интеграционной модели в Евразии – Большого Евразийского партнерства». Такую модель, предложенную Китаю и странам АСЕАН, по-видимому, можно трактовать как поиск механизмов сопряжения с менее сложными интеграционными и трансрегиональными проектами, которые бы снизили риск появления политико-экономических разрывов подобных тому, что возник между Россией и Европой, при этом, однако требующий серьезной и последовательной политической, экономической и институциональной проработки.

Заключение

На нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса и эволюционного развития государств с разными социально-политическими укладами и политико-экономическими порядками оказалась в значительной степени подорвана усилиями безответственных политических игроков разных стран, хотя все основные параметры договорной системы существующего баланса все еще сохраняются. Процесс трансформации существу-

ющей версии мирового порядка в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным, но одновременно он еще очень далек от своего завершения.

В то же время эволюционная трансформация существующей версии мирового порядка, а не его силовой слом, устраивает практически всех основных участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнями своего населения и сохраняя существующий национальный уровень экономического развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, то есть использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе, а, заняв более благоприятное место, конструктивно участвовать в трансформации этой системы мировым сообществом максимально благоприятным для своей нации образом, затрачивая усилия в основном на переформулирование и коррекцию правил функционирования мировой системы, а не на затратные или даже губительные в современных условиях военно-силовые способы решения проблем, поскольку они делают прогнозирование социальных трансформаций непредсказуемым.

Если же говорить о практической стороне этого вопроса, то для России важнейшей стратегической задачей является не дать втянуть себя в такую геополитическую конфигурацию, которая «заморозит» ее развитие, станет препятствовать формированию прагматичных, пусть и двусторонних, партнерств конструктивного типа и эволюционному переходу к более эффективным и современным версиям социально-политического и социально-экономического уклада. Такое развитие событий полностью противопоставит Россию государствам, имеющим более высокий инновационно-технологический уровень, и отрежет от превалирующей в мире модели социально-экономической региональной и трансрегиональной интеграции открытого типа, на основе которой формируется и будет формироваться дальше новое качество взаимозависимости и сопряженности мирового регионально сегментирован-

2016 [Vtoraiia mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiia i Kitai: k novomu kachestvu dvustoronnikh otnoshenii» (Second International Conference 'Russia and China: Towards a New Quality of Bilateral Relations'). Moskva, 30-31 maia 2016. Moskva: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 2016].

²⁷ Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. (на китайском языке) [Mekhanizmy transregional'nogo razvitiia Tsentral'noi Evrazii: issledovaniia i prognozy (Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Studies and Forecasts / Ed. by Li Xin, Alexei D. Voskressensli. Pekin: Tszichzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)].

ного политико-экономического пространства успешного развития. Следует отметить, что введение санкций и являлось одной из первых таких целенаправленных попыток затормозить развитие России. Таким образом, отмена санкций и минимизация политико-экономическими инструментами разрывов во взаимосвязанном политико-экономическом и социально-культурном пространстве Европы и Восточной Азии с акцентом на конструктивной, прогрессирующей «общности», стимулирующей поступательный эволюционный переход к более совершенным взаимовыгодным моделям социально-политического и социально-экономического взаимодействия через формулирование концепций успешного дозированного и сегментированного экономического национализма, но в целом ограниченного необходимостью вписываться в параметры моделей трансрегиональных и региональных партнерств и перспективных макрорегиональных проектов, должна стать основой нового этапа развития нашей страны на новом этапе постконфликтного мироустройства. Форма осуществления такой политики – прагматичное и конструктивное «расширение» единого, взаимосвязанного и консенсусно упорядоченного трансрегионального пространства политики, экономики и безопасности «через» Россию с максимальным включением ее в это формирующееся региональное пространство более высокого уровня, а внутривнутриполитической задачей – такое развитие инфраструктуры, эффективности государства, которое будет способствовать максимальному прогрессивному сопряжению и взаимосвязанности российского пространства (экономического и политического) с его евро-атлантическим и тихоокеанским измерением, таким образом, чтобы этот процесс способствовал политическому и экономическому развитию России. Инструментами такого развития для России является не геополитика противостояний, а поиск оптимальной политико-экономической модели сочетания трансрегионализма и регионализма, осуществляемого через активное, но на взаимовыгодной основе, российское участие в трансрегиональных объединениях, макро/мега-региональных и региональных проектах развития и прогрессивной транс-

формации регионального пространства. От возможности успешного формулирования ответов на эти сложные вызовы зависит не только место России в формирующейся новой конфигурации мировых отношений на новом этапе постконфликтного развития, но и в значительной степени вектор социально-политического развития всего мира. Россия вернула себе статус великой державы постбиполярного мира, заплатив за это большую политическую и экономическую цену, однако если конфликтность по периметру российских границ не удастся «закапсулировать», сохранить и развить это достижение на основе меркантилистского понимания экономического национализма в новой «постзападной» реальности будет невозможно.

Литература:

Буторина О. Россия и ЕС: партнерство без стратегии / Российский совет по международным делам. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. Изд. 2-е, испр. и доп. – М: МГИМО-Университет, 2015. – 624 с.

Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Москва, 30-31 мая 2016 г. Москва: Российский совет по международным делам, 2016.

Гринберг Р.С. Почему я неисправимый оптимист? Размышления накануне юбилея // Мир перемен. Специальный выпуск. – 2016. – С. 6.

Демократизация и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества. Издательство «Европа», 2010. – 318 с.

Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2015.

Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворски. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 519 с.

Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. СПб: Алетейя, 2016. – 608 с.

Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пространственно-временная динамика эволюционных процессов в сложных системах. В кн.: Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой. – СПб: Алетейя, 2016. С. 185-217.

Ларин В. Почему АТР – не альтернатива Большой Евразии / В.Ларин / Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoyevrazii/>

Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы / под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. (на китайском языке)

Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 416 с.

Мировое комплексное регионоведение. Учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. Специальность и направление «Зарубежное регионоведение» Федерального учебно-методического объединения по Укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 41.00.00 «Политические науки и регионоведение». Под редакцией А.Д. Воскресенского. Научн. ред. Д.А. Кузнецов. В 2-х томах. – М.: МГИМО Университет, 2017 (в печати)

Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2015. – 448 с.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 560 с.

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР. 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

Салицкий А., Семенова Н. Шелковое наступление Китая // Перспективы. – 2016. – №1(5). – С.6-10.

Системная история международных отношений, 1918-2003; в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003.

Сравнительная политология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 752 с.

Appadurai, Arjun. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Democracy in Decline? / Ed. by Larry Diamond and Marc F. Plattner. Foreword by Condoleezza Rice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 144 p.

Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by Rajiv K. Bhatia, Vijay Sakhujia. New Dehli: Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Forewords by Kevin Rudd and Adam Przeworski. Singapore: World Scientific, 2017.

Japan Unveils \$110 Billion Plan to Fund Asia Infrastructure, Eye on AIIB // Reuters. 21.05.2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-japan-asia-investment-idUSKBN00617G20150521>

Pillalalimiri, A. Project Mausam: India's Answer to China's 'Maritime Silk Road' // *The Diplomat*. 18.09.2014. <http://thediplomat.com/2014/09/project-mausam-indias-answer-to-chinas-maritime-silk-road/>

The "Expanded Partnership for Quality Infrastructure" Initiative Directed Toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 23.05.2016. Mode of access: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html

Voskressenski, Alexei D. *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies*. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3.

Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No 6, pp. 1-7.

Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6.

References:

Appadurai, Arjun. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Butorina, O. Rossiia i ES: partnerstvo bez strategii (Russia and the EU: A Partnership Without Strategy) / *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council)*. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content

Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Democracy in Decline? / Ed. by Larry Diamond and Marc F. Plattner. Foreword by Condoleezza Rice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 144 p.

Demokratii XXI veka: smena paradigmaty. Analiticheski doklad Fonda ISEPI i gruppy zarubezhnykh avtorov (Democracies of the XXI Century: A Paradigm Shift. Analytical Report of the ISEPI Foundation and the Group of Foreign Authors). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii im. N.E. Zhukovskogo, 2015.

Demokratia v rossiiskom zerkale (Democracy in a Russian Mirror) / Ed. by A. Migranian, A. Pshevorski. Moscow.: MGIMO-Universitet, 2013. 519 p.

Demokratizatsiia i modernizatsiia. K diskussii o vyzovakh XXI veka (Democratization and Modernization. Discussion on the XXI Century Challenges). Moscow: Tsentr issledovaniia postindustrial'nogo obshchestva. Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 318 p.

Grimberg, R.S. Pochemu ia neispravimyi optimist? Razmyshleniia nakanune iubileia (Why am I a Devoted Optimist? Reflections on the Eve of Jubilee) // *Mir peremen. Spetsial'nyi vypusk*, 2016, p. 6.

Indo-Pacific Region: Political and Strategic Prospects / Ed. by Rajiv K. Bhatia, Vijay Sakhujia. New Dehli: Vij Books India Pvt Ltd, 2014.

Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity) / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016. 608 p.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Forewords by Kevin Rudd and Adam Przeworski. Singapore: World Scientific, 2017.

Japan Unveils \$110 Billion Plan to Fund Asia Infrastructure, Eye on AIIB // Reuters. 21.05.2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-japan-asia-investment-idUSKBN00617G20150521>

Kniazeva, E.N., Kurkina, E.S. Prostranstvenno-vremennaia dinamika evoliutsionnykh protsessov v slozhnykh sistemakh (Spatial-Temporal Dynamics of Evolutionary Processes in the Complex Systems). V kn.: *Innovatsionnaia slozhnost' (Innovation Complexity)* / Ed. by E.N. Kniazeva. Saint Petersburg: Aleteiia, 2016, pp. 185-217.

Larin, V. Pochemu ATR – ne al'ternativa Bol'shoi Evrazii (Why Asia-Pacific is not an Alternative to Greater

Eurasia) / *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai» (Valdai International Discussion Club)*. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-atr-ne-alternativa-bolshoy-evrazii/>

Mekhanizmy transregional'nogo razvitiia Tsentral' noi Evrazii: issledovaniia i prognozy (Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Studies and Forecasts / Ed. by Li Xin, Alexei D. Voskressenski. Pekin: Tszichzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr/Infra-M, 2014. 416 p.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Uchebno-metodicheskii kompleks dlia obucheniia, proverki ostatochnykh znani, podgotovki i provedeniia gosudarstvennykh ispytani. Spetsial'nost' i napravlenie «Zarubezhnoe regionovedenie» Federal'nogo uchebno-metodicheskogo ob"edineniia po Ukрупnennoi gruppe spetsial'nostei i napravlenii podgotovki 41.00.00 «Politicheskie nauki i regionovedenie» (World Regional Studies. Handbook for Teaching, Testing and Preparing for State Examinations. Federal State Educational Benchmark "World Regional Studies"). Ed. by A.D. Voskressenski. Acad. ed. – D.A. Kuznetsov. 2 Volumes. Moscow: MGIMO Universitet, 2017 (in print)

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: vvvedenie v spetsial'nost' (World Regional Studies: An Introduction to the Discipline) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2015. 448 p.

Pillalamiri, A. Project Mausam: India's Answer to China's 'Maritime Silk Road' // *The Diplomat*. 18.09.2014. <http://thediplomat.com/2014/09/project-mausam-indias-answer-to-chinas-maritime-silk-road/>

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (Practice of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2014. 560 p.

Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniiu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road) / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 28.03.2015. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml

Salitskii, A., Semenova, N. Shelkovoe nastuplenie Kitaia (China's Silk Advance) // *Perspektivy (Perspectives)*, 2016, No. 1(5), pp. 6-10

Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii, 1918-2003; v 4 t. (Systemic History of International Relation, 1918-2003, 4 vol.)/ Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniam, 2003.

Sravnitel'naia politologiiia (Comparative Political Science) / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt-Press, 2015. 752 p.

The "Expanded Partnership for Quality Infrastructure" Initiative Directed Toward the G7 Ise-Shima Summit Meeting Announced / Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 23.05.2016. Mode of access: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0523_01.html

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes) / Ed. by A.D. Voskressenski; MGIMO (U) MID Rossii. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. 624 p.

Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiia i Kitai: k novomu kachestvu dvustoronnikh otnoshenii» (Second International Conference 'Russia and China: Towards a New Quality of Bilateral Relations'). Moskva, 30-31 maia 2016. Moskva: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (Russian International Affairs Council), 2016.

Zhao, H. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3.

Zhao, H. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate / H. Zhao // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, pp. 1-7.

Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57>

TRANSREGIONAL AND REGIONAL PROJECTS IN “POST-WESTERN” INTERNATIONAL REALITY

Alexei D. Voskressenski

MGIMO University, Moscow, Russia

Ekaterina V. Koldunova

MGIMO University, Moscow, Russia

Anna A. Kireeva

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 1 April 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 20 April 2017</p>	<p>Abstract: The article focuses on the theoretical and practical explanations of political and economic processes in the “post-Western” international reality. Proceeding from the assumptions of the complex system theory, the authors prove the necessity to use already established analytical approaches in combination with the newly developed ones to be able to understand and forecast the spatial-temporal evolution of the international system as a complex system. International political economy and world regional studies now investigate the empirical aspects of working out the most competitive and simultaneously most stable socio-political and political-economic model of development. These studies also search for the ways national versions of development can become closer to this model and analyze to what extent regional/national models may differ from it without losing their international competitiveness. Exploring the evolution of the international system and political and economic transformations in the world leading states the authors conclude that a polycentric world cannot sustain a growing geopolitical confrontation and struggle for the geopolitical influence over the buffer areas. The polycentric international system requires a consensual elaboration of mutually beneficial regional policies aimed at building transregional links between various regional areas. Reducing the instability in its regional and national segments the international system will move towards its overall greater stability. The authors further support this assumption analyzing transregional projects in Eurasia and the Asia-Pacific region.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Alexei D. Voskressenski</i>, Dr. Pol. Sc., PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Dean of the School of Political Affairs; Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p> <p><i>Ekaterina V. Koldunova</i>, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p> <p><i>Anna A. Kireeva</i>, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: theory of complex systems, social engineering, world system, transregional projects, Eurasia, Asia-Pacific, the USA, Russia, China, world regional studies, international political economy</p>	

Для цитирования: Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 2. – С. 37-57.

For citation: Voskressenski, Alexei D.; Koldunova, Ekaterina V.; Kireeva, Anna A. Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in “Post-Western” International Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2 pp. 37-57.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57